

— Жуншуан, у меня, кажется, брюки по шву поползли... — Чжоу Цзэвэнь неловко отвел взгляд, чувствуя, как к щекам приливает жар.

Собираясь на военную подготовку, он и подумать не мог захватить с собой дорожный набор для шитья. Ну кто же знал, что качество казенной формы окажется настолько паршивым?

Чжао Жуншуан и сам мгновением ранее услышал этот характерный треск лопнувшей ткани. Сначала он не придавал значения пустяковому звуку, но, заметив пунцовые уши друга, сразу переменял мнение.

Он подошел поближе и заговорщически прошептал:

— Сильно порвал? И где именно?

— Кажется, на бедре... — Цзэвэнь густо покраснел, кончики его ушей буквально пылали. — У тебя случайно нет иголки с ниткой?

— С собой нет. Но ты не переживай. У нас в первом взводе во время тренировок у двоих штаны по швам треснули, сейчас пойду спрошу, как они выкрутились. Ерунда, просто размер, наверное, маломерит. Пошли сначала наверх, переоденешься в запасные.

Чжао Жуншуан не преувеличивал: за сегодняшний день брюки лопнули у доброй половины парней. Беда не обошла стороной ни первый, ни второй взвод. Но одно дело — весело зубоскалить над чужим конфузом, и совсем другое — самому оказаться в столь щекотливом положении.

Пока Цзэвэнь переодевался в душевой, Чжао Жуншуан быстро отыскал одного из тех бедолаг, чья форма пострадала первой. Тот уже вовсю щеголял в целехоньких штанах, вот только его походка выглядела как-то уж очень неестественно.

Недолго думая, Чжао Жуншуан подошел к нему:

— Слышь, а где тебе штаны заштопали?

— Наверху, в пацанском крыле! Там учитель Хэ засела с иголкой и нитками, всем латает. Наверняка там сейчас очередь выстроилась, сразу найдешь по шуму. Но, если честно, я бы на твоём месте...

Не дослушав предупреждение, Чжао Жуншуан рванул по лестнице вверх. Нужную комнату он приметил сразу: дверь была распахнута настежь. Очереди, вопреки ожиданиям, не наблюдалось, зато внутри царил весьма странная картина. Толпа парней плотным кольцом окружила учительницу Хэ. Сама «мама Хэ» восседала в центре этого импровизированного амфитеатра и сосредоточенно орудовала иголкой. Рядом с ней высилась целая гора изорванной

камуфляжной формы. Учительница аккуратно накладывала шов за швом, попутно отпуская шуточки в адрес своих подопечных.

Учительница Хэ так и лучилась жизнерадостностью, чего нельзя было сказать о зрителях. Окружавшие её парни сидели с такими натянутыми лицами, будто находились на пороховой бочке. Чжао Жуншуан недоумевал: насколько он помнил, преподавательница английского всегда отличалась мягким и добродушным нравом. Что за наваждение?

— Учитель Хэ, у вас не найдется лишней иголки с нитью? Я бы хотел одолжить ненадолго, — вежливо обратился Чжао Жуншуан.

Стоило ему произнести эти слова, как все присутствующие разом обернулись. В их глазах вспыхнула такая отчаянная надежда, словно перед ними предстал спаситель.

Чжао Жуншуан мысленно опешил.

«Это еще что за взгляды?»

— Где порвал? Снимай, я мигом залатаю! — радушно отозвалась учительница.

— Ой, нет-нет, спасибо, учитель! Вы и так завалены работой... Просто дайте мне иголку с ниткой, я сам справлюсь.

Интуиция подсказывала Чжао Жуншуану, что оставаться здесь небезопасно. Схватить инструмент и сделать ноги — вот лучший план.

Услышав его отказ, учительница Хэ вовсе не обрадовалась облегчению своей ноши. Напротив, её лицо разочарованно вытянулось.

— Ну ладно... Возьми там, в коробке, — вздохнула она, указав кончиком иглы на шкатулку для рукоделия, и вновь принялась за шитье.

Увидев, что Чжао Жуншуан забирает нитки, один из парней взмолился:

— Брат Жун! Ты умеешь шить? Спаси, заштопай мои тоже, а?

Его призыв подействовал на остальных как сигнал к бегству. Парни тут же дружно потянулись к куче одежды, лежавшей возле учительницы.

— Положили на место! Живо! — внезапно построжала учительница Хэ. — Я что, по-вашему, плохо шью?

Голос её прозвучал настолько сурово, что протянутые к камуфляжу руки мгновенно отдернулись назад.

«Учитель... то, как вы шьете... при всем уважении, на это без слез не взглянешь...» — тоскливо подумали присутствующие.

Чжао Жуншуан мысленно усмехнулся:

«Так я и думал».

Прихватив швейные принадлежности, он поспешил убраться из этой зоны боевых действий. На лестнице он нос к носу столкнулся с поднимавшимся Цзэвэнем и, не говоря ни слова, увлек его обратно вниз.

— Разве учитель Хэ не должна была заштопать их наверху? — удивился Цзэвэнь.

Чжао Жуншуан продемонстрировал зажатую в пальцах иголку с продетой в неё нитью:

— Я сам всё сделаю. Там наверху такое столпотворение, до китайской пасхи прождем.

— А... — протянул Цзэвэнь, недоверчиво сощурившись. — Ты вообще шить-то умеешь?

Ему очень не хотелось получить на выходе брюки, больше похожие на бесформенный мешок.

Заметив этот скепсис, Чжао Жуншуан шутливо надулся:

— Не веришь мне? А кому ты больше доверяешь — мне или нашей «маме Хэ»?

Цзэвэнь, еще не знавший, какой теракт против эстетики разворачивается этажом выше, лишь растерянно моргнул.

— Да расслабься! Я в детстве всем куклам сестры наряды самолично шил, рука набита!

Произнеся это, Чжао Жуншуан слегка смутился, но Цзэвэнь не заметил перемены на его лице. В глубине души он все еще сомневался — свежа была память об их недавнем «торговом триумфе» на рынке. И все же, решив, что настоящие друзья должны доверять друг другу, он с замираньем сердца протянул Чжао Жуншуану свои многострадальные брюки.

Они устроились рядышком на кровати.

— Цзэвэнь, чего ты так напрягся?

— А? Да нет... вовсе я не напрягся!

— Рассказывай мне тут. У самого брови в узел завязались!

Чжао Жуншуан отложил шитье и внезапно придвинулся к другу почти вплотную. Заглядывая ему прямо в глаза — так близко, что они едва не соприкоснулись кончиками носов, — он вкрадчиво спросил:

— Ты что, сомневаешься во мне?

— Ну что ты, как можно, — Цзэвэнь мягко уперся ладонями в его плечи, заставляя парня отодвинуться на прежнее расстояние. — С чего бы мне в тебе сомневаться?

Он тепло улыбнулся, глядя на Жуншуана совершенно невинным, обезоруживающим взглядом.

— То-то же! Ладно, продолжаю.

Чжао Жуншуан с головой ушел в работу. Каждое движение его пальцев было точным и выверенным — сейчас он выказывал усердия в разы больше, чем на скучных уроках или изнурительном плаце.

Спустя пару минут дело было сделано.

— Та-дам! Получите, распишитесь!

С ловкостью завязав аккуратный узелок, Чжао Жуншуан победно встряхнул брюками и протянул их законному владельцу. Цзэвэнь внимательно осмотрел шов. К его изумлению, строчка вышла на диво ровной и прочной. Он поднял на Чжао Жуншуана взгляд, полный искреннего восхищения и благодарности.

— Ну как? Твой брат Жун просто гений, признай!

Чжао Жуншуан таял под этим ясным, искрящимся взглядом. Ему чертовски нравилось, когда Цзэвэнь смотрел на него именно так — с тихим восторгом. От переполнявших его чувств он засиял ярче начищенного самовара и по-хозяйски закинул руку другу на плечо.

— Да-да, великий мастер, — с улыбкой подыграл Цзэвэнь и, выскользнув из-под его руки, скрылся в душевой, чтобы переодеться.

Этот случай мгновенно сделал Чжао Жуншуана местной легендой. К вечеру слух о его выдающихся портняжных талантах облетел всё мужское крыло. В последующие дни каждый, у кого трещали по швам брюки или куртки, выстраивался в очередь перед его дверью. Нагрузка на учительницу Хэ сократилась в разы, из-за чего она даже немного заскучала, недоумевая про себя:

«И чего это сорванцы перестали забегать ко мне в гости?»

Для преподавательницы Хэ латание курсантских штанов было вовсе не каторжным трудом, а своеобразным развлечением. Несмотря на то что она давно перешагнула тридцатилетний рубеж, в душе она оставалась неисправимым ребенком. Это сквозило во всем: на уроках английского она регулярно делилась подробностями своей «сладкой семейной жизни» и пересказывала забавные диалоги с мужем. Собственно, за эту открытость и капельку здорового легкомыслия её и обожали ученики. Кому не понравится живой, неформальный урок, приправленный сочными байками?

Устав от бесконечной череды пикантных аварий с гардеробом юношей, инструкторы в конце концов приняли соломоново решение: разделить ребят по половому признаку. Первый взвод теперь целиком состоял из парней, а во второй определили исключительно девушек. Чжао Жуншуан ликовал — наконец-то они с Цзэвэнем оказались в одном строю!

Надо признать, эта орава изнеженных книжников обладала на редкость цепким умом. Физической выносливостью они не блистали, зато схватывали всё на лету и отлично ладили в команде. Всего за два дня они без труда освоили строевой и печатный шаг, а к исходу четвертого без запинки крутили все шестнадцать форм кулачного боя. Видя такую прыть, суровые инструкторы невольно прониклись уважением к «Образцовому классу Первой средней школы города Y». Муштра постепенно сменилась дружескими подначками, и в последние пару дней сборов командиры вовсе травили анекдоты вместе с ребятами.

Впрочем, дружба дружбой, а устав никто не отменял: провинившихся карали без пощады. На шестую ночь в жилом корпусе из-за какой-то аварии вырубил свет. Единственный на всю комнату напольный вентилятор, до этого без устали гонявший душный воздух, объявил забастовку. Только тогда изнывавшие от липкого зноя ребята осознали, каким сокровищем обладали. Те, кто раньше пренебрежительно именовал этот тарахтящий агрегат «древним хламом», теперь мысленно умоляли своего «драгоценного спасителя» подать хоть признак жизни. Увы, лопасти замерли намертво. Вскоре снизу донеслись зычные голоса учителя Вана и дежурного офицера, приказывавших всем срочно выйти во двор. Поняв, что надежды на прохладу нет, палатный блок дружно выдохнул сочное ругательство и рванул вниз по лестнице.

Внутренний двор мгновенно заполнился взбудораженной толпой. Парни и девушки устраивались прямо на бетонных бордюрах, ступеньках и парапетах клумб, спасаясь от удушливой комнатной жары. Вокруг стоял невообразимый гвалт. Поскольку почти все выбежали в домашней одежде, зрелище со стороны больше всего напоминало масштабную пижамную вечеринку под открытым небом.

Особый фурор вызвало появление старосты, Сунь Лияна. Он щеголял в длинном шелковом

халате благородного серебристо-серого цвета. Этот экстравагантный наряд приковал к себе взгляды всей честной компании; старосту тут же облепили со всех сторон, наперебой комментируя его изысканный вкус. Даже ласково называемый учениками Лао Ван не удержался — ободряюще похлопал парня по плечу, отметив его утонченный, истинно интеллигентный вид.

Чжоу Цзэвэнь всё еще не спустился. Чжао Жуншуан, карауливший его у выхода, теперь досадно кривился: толпа зевак вокруг Сунь Лияна полностью загородила дверной проем.

«Ну и как тут разглядеть хоть кого-то? И вообще, разве удобно спать в таком балахоне? Пижонство чистой воды!»

Вздохнув, Чжао Жуншуан отошел в сторону и примостился на невысоком парапете. Скользнув взглядом по лицам одноклассников, он наткнулся на Ло Шуцзина.

Чжао Жуншуан помрачнел.

Ло Шуцзин в ответ тоже не выказал восторга.

— Хочешь послушать, что я скажу? — негромко спросил Ло Шуцзин, делая шаг навстречу.

— Сгинь с глаз моих. Общаться с тобой нет ни малейшего желания, — отрезал Чжао Жуншуан.

Тот, однако, и не подумал уходить.

— Я погляжу, вы с Чжоу Цзэвэнем спелись, — протянул он с непонятной интонацией.

— Завидуешь молча. Это тебя вообще не касается.

Жуншуан поднялся, намереваясь прекратить этот бессмысленный разговор, но брошенная в спину фраза заставила его замереть:

— А ведь когда-то и мы с тобой были не разлей вода.

Чжао Жуншуан медленно повернулся:

— К чему ты клонишь?

— Если я расскажу тебе всё... ты мне pomoжешь?

— В чём?

Разговор грозил принять серьезный оборот, но в этот момент из темноты вестибюля наконец показался Цзэвэнь.

— Жуншуан! Вот ты где.

Переведя взгляд с друга на Ло Шуцзина, Цзэвэнь едва заметно поморщился. В его всегда спокойных глазах промелькнула редкая для него неприязнь. Чжао Жуншуан тут же поймал эту мимолетную реакцию. В душе поднялась волна досады на самого себя: действительно, зачем он вообще тратит время на пустую болтовню с этим типом?

Просидев во дворе битый час, ребята так и не дождались подачи электричества. Делать было нечего — пришлось возвращаться в свои душные комнаты и пытаться уснуть на ощупь. Из-за крайне неудачного расположения окон в комнате 404 царило настоящее пекло: ночной ветерок обходил их крыло стороной. Разумеется, до рассвета никто из ребят так толком и не сомкнул глаз. И так же закономерно вся палата наутро благополучно проспала подъем.

Как именно они проснулись?

Представьте картину: на плаце перед корпусом уже выстроился весь курс вместе с офицерами. Стоя в безупречном строю, эта грозная армада слаженно, во всю мощь легких скандировала под барабанную дробь:

— Четыреста четыре, подъем! Мы жаждали! — запевал инструктор.

— Четыреста четыре, подъем! Мы жаждали! — эхом гремела сотня голосов.

— Четыреста четыре, бегом марш вниз! Лопаются наше терпение! — надрывался командир.

— Четыреста четыре, бегом марш вниз! Лопаются наше терпение! — вторил ему строй.

...

«Неужели так трудно было просто отправить дежурного наверх?!» — вертелось в раскалывающихся от недосыпа головах обитателей злополучной комнаты.

Инструктор встретил их внизу своей фирменной, донельзя ехидной ухмылкой, которая без слов давала понять: «Очень трудно».

— Четыреста четыре в полном составе — десять кругов по стадиону шагом марш!

Вся комната обреченно выстроилась в колонну. Пощады ждать не приходилось.

<http://bllate.org/book/20592/2131923>